

Весёлые школьные рассказы

«Королевские уши»

Как-то раз, на уроке истории, мы с Петькой стали спорить, у кого из нас уши больше. Я говорил, что у него, а Петька уверял, что у меня. Спорили, спорили, а потом взяли обыкновенную школьную линейку и стали измерять уши. Я – у него, он – у меня. – У тебя, – сказал Петька, – уши, как у слона – ровно двенадцать сантиметров! – А у тебя, – как у жирафа! – заливался я. – Ровно тринадцать сантиметров. – Врёшь! – разозлился Петька. – Дай-ка я возьму свою линейку, она у меня поточнее любой другой будет. На ней даже миллиметры самые точные. Петька схватил с парты линейку и, высунув язык, стал измерять мои уши по новой. – А знаешь, я немного ошибся, – подмигнул он мне. – У тебя уши меньше чем у слона. У тебя уши, как у осла. Ты форменный осёл! И Петька злорадно захохотал. – А у тебя уши как у ишака, – не растерялся я. – Ты форменный ишак. – Да ты на себя посмотри, – закатил глаза Петька. – Ослиная морда. – Сейчас как дам линейкой, – рассердился я. – Жираф несчастный. – А левое ухо у тебя вообще больше правого, – продолжал Петька. – Ты разноухий осёл. Мы так раскричались, что не заметили, как к нам подошёл наш учитель истории Семён Семёнович. – О чём спорите ребята? – спросил он. – Спорим, у кого из нас уши больше, – первым отозвался я. – Он меня жирафом обозвал. А у самого уши длинные как у осла. – Эх, вы, – засмеялся учитель. – Спорите, у кого уши больше и не знаете, что в древние времена, длинные уши ценились на вес золота. – Как это? – удивились мы. – А так, – ответил учитель. – У персидского царя Кира был в те далёкие времена телефон. – Телефон? – в один голос ахнули мы с Петькой. – Да, – кивнул учитель. – У царя на службе состояло тридцать тысяч человек; их называли «царские уши». Со всей страны на эту службу, отбирали людей только самых ушастых и с хорошим слухом. Они стояли на вершинах холмов и сторожевых башен в пределах слышимости друг от друга и таким образом передавали приказы царя по всей стране. – Для чего? – не понял я. – А для того, чтобы приказы царя разлетались по всей стране как можно быстрее, – ответил учитель. Царский указ моментально долетал до самых отдалённых уголков страны. Таких царских слухачей очень ценили, и платили им золотом. – Вот это да! – удивились мы. – Ладно, так уж и быть, – заулыбался Петька, – у меня уши длиннее... – Фиг тебе, – рассердился я. – Ты же сам сказал, что у меня уши как у осла. Значит мои длиннее. – А у меня – как у жирафа! – напомнил Петька. – Если так, – засмеялся учитель. – У вас у обоих – «царские уши». И я представил себе, как стою на высокой башне и слушаю, чего там Петька кричит мне с соседней горы. Эх, хорошо иметь длинные уши.

Ай, да Пушкин

Вообще-то я уроки обычно учу. Но сегодня решил – баста! Больше учить не буду. Если что, кто-нибудь выручит, да подскажет. Да хоть бы сегодня: Колька Громушкин не выучил – а ему подсказали, и он пять получил пять. Лучше я буду слух тренировать – принял я твёрдое решение. Забросил учебники и отправился во двор. Весь день гонял мяч, запускал змея с Васькой, да смотрел, как старушка из третий квартиры голубей кормит. И вот наступил новый день. На математике меня не спросили, и на уроке истории тоже. Мне даже обидно стало: не удалось слух проверить. Хороший он у меня или не очень. Но на последнем уроке мне всё таки повезло – Марья Ивановна меня вызвала. Оказывается, нам вчера задали выучить наизусть: «Сказку о царе Салтане» Пушкина. Ну не всю конечно, а только отрывок, но я его не выучил. Вот и отлично, – обрадовался я, – сейчас я проверю, хороший у меня слух или нет. – Выучил? – спросила Марья Ивановна. – Конечно, – говорю, – выучил. – А как же

иначе!– Ну, тогда, рассказывай, – говорит Мария Ивановна. А сама очки с носа сняла и приготовилась слушать. Она у нас очень Пушкина любит. Ну, начало то я помнил и потому смело выкрикнул:– Три девицы под окном...Сказал, а сам уши наострил и глазами стал страшно вращать, мол, давайте мол, подсказывайте.– Ну, что же ты остановился? – спросила учительница. – Мы тебя внимательно слушаем. И вдруг слышу, Петька со второй парты мне подсказывает:«Три девицы под окном, Пили фанту под крыльцом». Только я собрался повторить, как поперхнулся... Какая ещё фанта! Во времена Пушкина не было никакой фанты. Нет, Петька, что-то напутал. И тут Катька Иванова с первой парты прошептала:«Три девицы под окном, Били кошку башмаком». Тьфу ты, думаю. Какая ещё кошка! Никакой кошки под окном не было. А Федька Кукушкин с третьей парты тоже подал голос:«Три девицы под окном, Съели лампу с потолком»– То же мне, друг! Я в биде, а он издевается. Я даже взмок, так мне плохо стало. И вот тут Светка Пятёркина запищала на весь класс:«Три девицы под окном, Сели в лужу голышом»Все захохотали, как сумасшедшие. А Мария Ивановна взяла ручку и громко объявила:«Три девицы под окном, Двойку съели с дневником»И это была самая последняя подсказка. И такую пару мне вlepила, будь здоров.– Эх вы, – сказал я ребятам после урока. – Вы что, нормально подсказать не могли!?– А мы и не собирались, – сказала Светка Пятёркина. – Мы решили с сегодняшнего дня бороться с подсказками.– А с завтрашнего дня не могли! – вздохнул я и пошёл домой учить уроки.

Жених из «Зб»

Вчера днём, на уроке математики, я твёрдо решил, что мне пора жениться. А что? Я уже в третий класс хожу, а невесты у меня до сих пор нет. Когда же, если не сейчас. Ещё пару лет и поезд ушёл. Вот папа мне часто говорит: В твои годы люди уже полком командовали. И это правда. Но сначала я должен жениться. Об этом я сообщил своему лучшему другу Петьке Амосову. Он со мной за одной партой сидит.– Ты абсолютно прав, – решительно сказал Петька. – Будем тебе на большой перемене невесту выбирать. Из нашего класса. На перемене мы с ним первым делом список невест составили и стали думать, на ком же мне из них жениться.– Женись на Светке Федуловой, – говорит Петька.– Почему на Светке? – удивился я.– Чудак! Она же отличница, – говорит Петька. – Будешь у неё всю жизнь списывать.– Нет, – говорю. – На Светке неохота. Она же зубрила. Будет меня уроки заставлять учить. Будет шнырять по квартире, как заводная и ныть противным голосом: – Учи уроки, учи уроки.– Вычёркиваем! – решительно сказал Петька.– А может мне на Соболевой жениться? – спрашиваю я.– На Насте?– Ну да. Она ведь живёт рядом со школой. Мне её провожать удобно, – говорю. – Не то, что Катька Меркулова – за железной дорогой живёт. Если я на ней женюсь, мне что же всю жизнь в такую даль таскаться? Мне мама вообще не разрешает в том районе гулять.– Верно, – покачал головой Петька. – Но у Настиного папы машины даже нет. А вот у Машки Кругловой есть. Самый настоящий Мерседес, будете на нём в кино ездить.– Но ведь Машка толстая.– А ты видел когда-нибудь Мерседес? – спрашивает Петька. – Туда три Машки влезут.– Да не в этом дело, – говорю. – Машка мне не нравится.– Тогда давай на Ольге Бубликовой тебя женим. У неё бабушка готовит – пальчики оближешь. Помнишь, Бубликова нас бабушкиными пирожками угощала? Ох, и вкусные. С такой бабушкой не пропадёшь. Даже в старости.– Не в пирожках счастье, – говорю.– А в чём же? – удивляется Петька.– Мне бы на Варьке Королёвой жениться, – говорю. – Вот это да!– А что у Варьки? – удивляется Петька. – Ни пятёрок, ни Мерседеса, ни бабушки. Что это за жена такая?– За то у неё глаза красивые.– Ну, ты даёшь, – засмеялся Петька. – В жене самое главное – приданое. Это ещё великий русский писатель Гоголь сказал, я сам слышал. А что

это за приданое такое – глаза? Смех, да и только.– Ничего ты не понимаешь, – махнул рукой я. – Глаза – это и есть приданое. Самое лучшее! На том дело и кончилось. Но жениться я не передумал. Так и знайте!

Прививка от страха

К нам в школу вчера приходили делать прививку от гриппа. Говорят, всех детей в обязательном порядке будут прививать. Я как услышал про это, то чуть со стула не упал. Мне ещё ни разу в жизни не делали прививок.– Говорят, это очень больно, – поправив очки, сообщил Толик. – Я знаю точно!– Некоторые люди прямо во время укола сознание от боли теряют, – сказала Светка Овсянкина.– Подумаешь, сознание, – начал запугивать всех Федька. – У некоторых людей от страха ноги отнимаются. Они потом ходить две недели не могут.– А другие от боли так кричат, что потом целый год говорить не могут, – сказал Андрей.– Ой, а может нам сбежать из школы, – предложил я. – А что, вылезем в окно и дёру.– Ты что, забыл, наш класс на втором этаже, – покрутил пальцем у виска Толик. – Расшибёмся.– Димка Пузьев из 2 а, видел медсестру, которая нам уколы будет делать! – вбегая в класс, поделился Пашка Булкин. – Ух, и страшная...– Медсестра страшная? – испугался я.– Да не медсестра, – отмахнулся Антон. – А игла, которой уколы делают. А шприц, вообще размером с огурец.– Такой иглой вколют – мало не покажется, – заранее потёр место укола Федька. – Такой иглой можно человека запросто насквозь проткнуть.– Она, говорят, раньше коров на ферме колола, – подлил масла в огонь Пашка, – сильная она очень!– Кто корова? – не понял я.– Какая корова, медсестра, – разозлился Пашка. – Уж если она с коровами справлялась, то с нами и подавно справится.– Ей что коров колоть, что людей, никакой разницы нет, – встряла Светка. – Что я, корова что ли!?– А ещё у неё хватка железная, – продолжал пугать нас Пашка. – Она в прошлом штангой занималась. Под ней, я слышал, штанги ломались на две части.– Вот это силища! – уважительно произнёс Антон.– А тех, кто боится или вырывается, она к столу специальными жгутами привязывает, – вспомнил Пашка. – Чтобы не вырывались.– Я б-боюсь, – честно признался я.– Вот тебя, значит, точно привяжут, – сказала Светка. – Будь спокоен. И тут дверь распахнулась и в класс вошла наша учительница Марья Степановна.– На прививку первый класс, Вы слышали, это вас...Я эти стихи раньше наизусть знал. И мне всегда было смешно, когда я их читал вслух родителям или друзьям. А теперь, что-то мне совсем не смешно стало.– Марья Степановна, что-то мне нехорошо, температура, наверное, – говорю. – Отпустите меня домой.– Нет, дружок, – говорит учительница. – Вот на прививку ходим, и все по домам пойдём. У кабинета врача выстроилась очередь из ребят. Тут были и первый класс и второй, и даже третий. Мы встали в самый хвост очереди.– А может быть, у неё на всех прививок не хватит? – с надеждой произнёс Толик, поправляя сползающие на нос очки. – Вон нас сколько.– Говорят, целую бочку привезли, кто-то из ребят видел, – ответил Пашка.– Всё ребята, мы пропали, – выкрикнул Игорёк, подбегая к нам с ребятами.– Как? Почему? – загалдели мы.– Ребята сказали, что некоторые заходят в кабинет, и оттуда уже не возвращаются, – бубнил от страха Игорёк.– А-а-а-а! – только и смог произнести я. – Караул!– Люди пропадают там, как в бермудском треугольнике, – продолжал Игорёк. – Вон, Витька из 2б класса, зашёл в кабинет, а обратно не вернулся. И Славка тоже не вернулся.– А может быть это и не медсестра вовсе? – решил окончательно Федька.– А кто же? – не понял Игорь.– Ну, не знаю, какой-нибудь пришелец из космоса. Делает всем уколы и дети улетают на другую планету, – твёрдо заявил Вадик. – Я такое в кино видел.– Хватит нас пугать, – насупил Федька. – И без тебя страшно.– А мне, думаешь не страшно, – сказал Игорёк.– Я первым на укол ни за что не пойду, – сказал Вадик. – Я сначала посмотрю, на вас, а там

видно будет.– А что на нас смотреть-то? – спросил я.– Ну, посмотрю, улетите вы в космос или нет, – ответил Вадик.– Эх ты, трусишка, – засмеялся Игорёк.– А ты будто бы не трусишка? Но не успел Игорёк ответить, как дверь кабинета распахнулась и оттуда показалась рука со шприцом.– Слудующий! – словно выстрел прозвучал чей-то голос.– Иди ты первый! – толкнул меня Вадик.– Сам иди!– Тогда ты, – велел Вадик Игорьку.– Ни за что на свете! – уцепился Вадик руками в шкаф.– На прививку, первый класс, вы слышали, это вас! – снова повторила наша учительница. – А после прививки, сразу идём в кино.– В кино? – хором спросили мы.– Да, в кино. На новый фильм ужасов. Но учтите, билетов у меня на всех не хватит. Так что, тот из вас, кто первый сделает прививку, тот в кино и попадёт.– Вот здорово! – закричал Вадик. – А фильм страшный?– Очень страшный! – зажмурилась Марья Степановна. Про вурдалаков. – Так что кто трусит, может не ходить. Мы бросились к кабинету медсестры и, растолкав остальных, первыми очутились внутри. Через два часа, когда закончился сеанс, Пашка сказал:– Ух, и страшные были клыки у этого вурдалака. Прямо как ножи. Длинные и острые.– Я тоже здорово испугался, – сказал Федя.– А я так вообще полфильма с закрытыми глазами просидел, – признался Вадик.– Да, сказал Пашка. – Этот фильм пострашнее любой прививки будет.– Да прививка вообще ерунда, – сказал я. – Вот фильм ужасов – это да, настоящая прививка.– Прививка? – удивились ребята.– Да, – решительно заявил я. – Прививка от страха. Теперь, мне ничего не страшно.

Макулатура

У нас в школе объявили сбор макулатуры. Я не знала, что это значит, потому что до этого я ни разу в жизни не слышала такое странное слово: «Макулатура».– Это разные старые газеты и журналы, – пояснила мне дома бабушка.– Так старые газеты это и есть макулатура? – спросила я у бабушка.– Да, – кивнула бабушка.– А зачем кому-то нужны старые газеты? – удивилась я. – Читать?– Старые газеты перемалывают в специальных машинах и делают из неё новую бумагу, – сказал папа. – А потом печатают на ней новые книги. Таким образом, сохраняют деревья.– Деревья? – совсем запуталась я.– Да, ведь бумагу делают из дерева, – ответил папа, включив телевизор.– А сколько вам велели принести в школу макулатуры? – спросила мама.– Пять килограммов каждому! – сказала я.– Ого! – сказал папа.– Ерунда, – сказал дедушка. – Сейчас мы быстро соберём тебе пять килограммов. – Каждый из нас выписывает какой-нибудь журнал или газету. И у нас дома как раз скопилось много ненужной макулатуры.– Ура! – сказала я. Я подбежала к полке и схватила пачку папиных газет «Спорт».– Можно взять эти газеты? – спросила я у папы. – Они же старые?– Нет-нет, сказал папа. Мне они нужны, их брать не нужно. Тут разные важные таблицы.– Какие ещё таблицы? – удивилась я.– Ну, где и когда играет моя любимая команда по футболу, – пояснил папа. – Возьми что-нибудь другое.– Тогда я возьму вот эти старые журналы, – сказала я.– Это же «Вязание», – ахнула бабушка. – Это мои журналы. В них столько всего нужного. Как же я буду вязать без них? Нет, внучка, я их отдать не могу.– Тогда вот эти, – показала я на стопку красивых тонких журналов.– Ой, – воскликнул мама. – Это же мои кулинарные журналы. Тут же ценные рецепты. Бери что угодно, только не это.– Ой, – обрадовалась я. – Вот какие-то толстые скучные журналы. Они точно никому не нужны.– Как это скучные? – рассердился дедушка. – Это же «Рыболовство»! Самый интересный журнал на свете. Ни за что ними, не расстанусь. Я их каждый день перечитываю.– А ты свои журналы возьми, – предложила мама. – Вон их у тебя сколько скопилось. И «Мурзилка», и «Читай-ка», и даже «Ералаш». Ты же их давным-давно все прочитала. Вот собери их и отнеси в школу. Как раз килограммов пять будет.– Нет, что вы! – даже испугалась я. – Я с моими старыми журналами ни за что не расстанусь. Тут и стихи, и загадки, и смешные рассказы мои любимых писателей. Делайте со

мной что хотите, но их я не отдам. Пришлось мне с подружкой по классу целый час бегать по соседям и выпрашивать у них старые газеты. Вот оказывается, какая нужная в хозяйстве вещь оказалась эта – макулатура.

Младшая сестра

На дворе была весна. Ну, скажите мне, можно ли учить уроки, когда на дворе такая замечательная погода стоит, а? Понятно, нельзя. И только вечером я вспомнил, что историю не выучил. А задали нам Архимеда. Ну, думаю, ерунда – Архимед, это вам не математика какая-нибудь, в два счёта выучу. – Архимед родился в Сиракузах, – стал читать вслух я, мне так запоминается лучше. – Где-где, в карапузах? – тут же переспросила моя младшая сестра Наташка. Она всегда возле меня крутится. – Не мешай, – сердито крикнул я. – И не путай меня. В Сиракузах. – В карапузах, в карапузах! – стала нарочно дразнить меня Наташка, прыгая на одной ноге возле моего стола. Я отвернулся от неё и снова заглянул в учебник. – Сиракузы это город на острове Сицилия. – На острове Сацивия! – высунула мордочку из-под стола Наташа. – Ты меня не зли! – сказал я строго. – Сациви это блюдо такое грузинское. В Древней Греции его не умели готовить. – А он кто грек? – спросила Наташка. – Кто? – Ну, Ахримед твой? – Ни Ахримед, а Архимед, – сказал я. – Да, грек. – И перестань меня путать, мне и так не просто все эти имена древнегреческие зубрить. – Ехал грека через реку, сунул грека руку в реку, рак за руку греку цап, – скороговоркой протрещала Наташка. Ну, думаю, ты меня всё равно не собьёшь с толку. – В Сиракузах в то время правил могущественный царь Гиерон. Он был родственником Архимеда. – В Кукурузах? – удивилась сестра. – Это где это такое место? – Не путай меня! – отмахнулся я. – Однажды царь Гиерон... – Царь Гилион! – высунула язык сестра. Я отвернулся и вцепился в учебник. – Царь Макарон, царь Барбарон, царь Граммофон! – Нет, ну какое мучение, – топнул ногой я. – А ну живо на кухню отсюда! – Я больше не буду, – испугалась Наташка. – Не гони меня на кухню, там за плитой паук живёт, я его боюсь. – Ещё слово и отправишься к пауку, – предупредил я. – Итак, на чём я остановился. Ага, вот. Царь Граммофон... тьфу ты, запутала меня совсем. Царь Гиперон однажды поручил Архимеду выяснить, из чистого ли золота сделана его царская корона. – И что Архимед? – спросила Наташка. – Ага, интересно стало? – обрадовался я. – Да. – Ну, слушай. Ахрамед, то есть Архимед надел себе на голову корону и так целый день бродил по... – По Карапузам? – попыталась подсказать Наташка. – Не путай меня, по Сиракузам. И вот увидел он баню. Забежал, туда, разделся и плюхнулся с разбега в воду. – И вдруг... – Что вдруг... – На полу оказалось ровно половина воды из ванны, – ответил я сестре. – Меня бы мама отругала за такое безобразие, – вздохнула Наташка. – Архимед выскочил из ванны и побежал по улицам города, с криками «Эврика!» «Эврика!» – А что значит – «Эврика»? – По древнегречески, это значит – «Нашёл!» «Нашёл!» – А что он нашёл то? – не поняла Наташка. – Тут написано, что так он открыл закон физики, – прочитал я, – сколько воды из ванны вылилось, столько, значит, он и весил вместе с короной. Понятно? – Нет, не понятно, – покачала головой Наташка. – Что тебе не понятно? – Он что весы изобрёл что ли? – Сама ты весы, – рассердился я. – Сколько воды из ванны, столько корона и весела. – Ха-ха, – засмеялась сестра. – Корона тяжёлая, а вода лёгкая. – Ты меня совсем запутать решила, – сказал я. – Воды же много из ванной вылилось. Пол ванны почти. А полванны это много. Это очень много воды. – Так что же он изобрёл воду или корону? – Архимед изобрёл закон Архимеда, – ответил я, подглядывая в книгу. – Тело, погружённое в воду... – А, я знаю этот закон, – засмеялась Наташка. – Откуда? – удивился я. В первом классе такое не проходят. – А я знаю, – упрямилась сестра. – Тело погружённое в воду – мокнет. Правильно? – Не путай меня. – А что ещё изобрёл твой Ахримед? – выглядывая из-

под стола, спросила Наташка.– Ахримед, тьфу ты, Архимед изобрёл «Греческий огонь», – подсмотрел снова я учебник. – Огонь, который поражал Римские корабли на расстоянии.– Это как? – удивилась Наташка.– А так, – продолжил я. – На берегу ставили много-много зеркал и направляли на вражеский корабль. Он словно спичка вспыхивал и сгорал.– Как бенгальский огонь?– Как факел, – ответил я.– Неправда! – сказала Наташка.– Тут так написано, – показал я учебник. – На, сама посмотри.– Больно надо.Вдруг я услышал знакомую музыку.– Ой, там же футбол начинается, – захлопнув учебник, закричал я. – Чуть не забыл из-за тебя.– Ты же не выучил про Ахрамеда.– А, ерунда, – отмахнулся я. – Я и так всё знаю. Не мешай. Иди играть в другую комнату.– Вот получишь ты завтра двойку, будешь знать! – высунула язык Наташка и убежала играть с куклами.– А, может, меня ещё и не спросят завтра! – крикнул я ей вдогонку.Но как назло вызвали именно меня. И случилось то, чего я больше всего и боялся.– Ну-с, – сказал Дмитрий Сергеевич, наш учитель по истории. – Выучил урок?– А как же, – говорю. – Сейчас расскажу.– Давай дружочек, рассказывай, – обрадовался историк и раскрыл журнал.– Древнегреческий учёный Ахримед жил в древней Греции...Ребята грохнули...– Ой, простите Архимед, – поправился я. А сам подумал: «Ну, Наташка, попадись ты мне. Из-за тебя всё перепутал».– Ничего, – поправил учитель очки. – Продолжай.«Главное не ошибиться» – крутилось у меня в голове.– Однажды царь Макарон, то есть царь Граммофон...Ну, тут уж ребята стали так хохотать, что мне даже плохо стало.– Какой граммофон, дружочек? – испугался учитель.– Царь Патефон, царь, эх...забыл!– Так, стало быть, не учил? – потянулся к дневнику историк.– Учил, честное слово учил, – чуть не плакал я. – Три раза читал и потом два раза перечитывал. Архимед корабли спичками поджигал и топил.– Спичками? – удивился учитель. В Древней Греции не было спичек.– Не спичками, а лупой, – вспомнил я.– И лупы то же не было, – засмеялся учитель.– Я учил, честное слово!– Ну, расскажи нам, в таком случае, где же жил Архимед?– В Карапузах? – с надеждой спросил я. – Нет, постойте, кажется в Кукурузах?– Если бы читал, то запомнил, – решил учитель, аккуратно выводя двойку в дневнике и журнале.– Эх! – сказал я ребятам после уроков. – Меня поймёт только тот человек, у кого младшая сестра есть. Разве она даст вам нормально уроки учить, всё время отвлекает. Прямо беда какая-то, а не жизнь.

Вкусные картины

На прошлой неделе мы всем классом отправились в Третьяковскую галерею картины смотреть. Лариса Ивановна, наша учительница по рисованию, давно обещала вместо урока сводить нас на картины посмотреть.– Там будет очень много известных полотен, – сказала она нам.– Чего-чего там будет много? – не понял я.– Ну, картин там разных или рисунков, – пояснил Мишка Карасиков. – Взрослые всегда почему-то картины полотнами называют.– Я слышал, что в этом музее много всего интересного, – сказал Васька Карамелькин.– И что может быть в картинах интересного? – Пожал я плечами. – Весят себе на стеночках, никто их не трогает. Чего на них смотреть, время только терять.– Точно! – согласился Федька. – Лучше бы на новый фильм ужасов сходили, в нашем кинотеатре идёт «Монстры из космоса». В сто раз интереснее музея!Сначала мы сели на автобус и ехали на нём до метро. Затем ещё минут двадцать ехали под землёй на поезде. Нас первый раз в жизни всем классом везли на экскурсию, по этому нам было довольно весело. Конечно, если бы это была экскурсия не в музей, а в кино, было бы ещё интереснее. Учительница очень боялась кого-нибудь из нас потерять по дороге, поэтому то и дело пересчитывала всех по головам, словно цыплят. Но мы не потерялись.От метро нужно было ещё немного пройти пешком. Но совсем не далеко.Перед музеем стоял памятник какому-то дяденьке.– Я слышал, это памятник

знаменитому вратарю, – пояснил нам Павлик. – Третьяку!– Это памятник великому человеку – Павлу Сергеевичу Третьякову. Он всю жизнь собирал картины, а потом основал художественную галерею, – поправила Павлика учительница. – Лучше бы он кинотеатр основал, – грустно вздохнул я. – И что в этом музее может быть интересного? Но когда мы вошли, разделись и прошли в зал с картинами, я понял, как я ошибался. – Перед вами картина великого русского художника Ивана Шишкина, – начала нам рассказывать Лариса Ивановна. – Кто из вас знает ребята, как называется это полотно?– Знаю, знаю! – закричал я. – Эта картина называется «Мишка косолапый». Правильно?– Нет, не правильно, – покачала головой учительница. – Так называется шоколадная конфета, на обёртке которой напечатали эту картину. – И как же она называется?– «Утро в сосновом бору», – ответила Лариса Ивановна. – По-моему она выдумывает, – сказал мне на ухо Петька. – Я сто раз ел эти конфеты. Я точно помню, что они называются «Мишка косолапый». – Точно! – сказал Вадик. – Я то же помню. – Это моя любимая конфета, – согласился Федька. – Там внутри вафельки вкусные. Хрустящие такие, с кремом. – Ребята, – продолжила учительница, – в этом зале, вы можете увидеть знаменитую картину Ильи Репина «Садко». – «Садко» я очень люблю, – сказал Мишка Карасиков. Это очень вкусные шоколадные конфеты – там орешки внутри. – А вот тут ребята, расположены знаменитые картины великого русского живописца Ивана Билибина «Сказки Пушкина», «Конёк Горбунок», «Жар Птица», «Лукоморье», и «Кот учёный». Ребята стояли возле картин, распахнув от удивления рты. – Вам знакомы эти картины?– Конечно, – закричал Вадик. – Мы все эти картины, то есть, тьфу... конфеты ели. И «Лукоморье» ели, и «Жар птицу» и «Конька Горбунка». – А какая из этих картин вам больше нравится? – поинтересовалась учительница. – Мне «Жар птица», – сказала Люся. – Это мой любимый шоколад! – А мне «Конёк Горбунок», – сказал Павлик. – Они еще вкуснее. – Я «Лукоморье» люблю, – закричала Настя. – Они в сто раз лучше других конфет. – Вкуснее «Белочки»? – удивился Мишка. – Ты что? Мальчики и девочки так раскричались. Что совсем позабыли, что в музее нужно вести себя тихо. – Тише ребята, тише! – замахала руками учительница. – Я вас вовсе не про конфеты спрашивала, а про картины. Какая картина вам больше нравится?– «Садко», – сказал Мишка. – А чем именно тебе эта картина нравится?– Туда орешки добавляют, – ответил Мишка и облизнулся. – Куда в картину? – удивилась учительница. – В конфеты. – Опять вы про конфеты! – рассердилась учительница рисования. – Это же искусство, а не кондитерская фабрика, ребята. – В следующем зале картины Верещагина и Айвазовского, – строго сказала Лариса Ивановна. – За мной! В других залах хороших картин больше не было. И хотя картины художника Верещагина и Айвазовского мне понравились, вкусной не было ни одной. – Это знаменитая картина Айвазовского «Девятый вал», – сказала учительница. – Вы слышали про такую картину?– Нет, – сказала Светка Тяпкина. – А что это конфета или шоколад?– Это картина, – строго повторила учительница. – Картина великого художника Айвазовского. – Нет, такую конфету я не знаю, – сказал Саша. Лариса Ивановна повела нас в следующий зал. В новом зале было очень много незнакомых картин. Но одну картину я всё-таки знал. – Это картина художника Крамского, – гордо сообщил я. – Называется «Незнакомка». – Молодец Никита, – похвалила меня учительница. – Это картина Ивана Николаевича Крамского. Великого русского художника. – Ух, ты... обступили меня со всех сторон ребята. – Откуда ты знаешь про эту картину?– Папа иногда покупает коробки конфет «Незнакомка», – ответил я ребятам. – Папа говорит что эта «Незнакомка» на нашу маму похожа. Там, на коробке написано, художник Крамской, вот я и запомнил. – Ну и как, вкусные конфеты? – спросил Федя. – Не то слово! – сказал я. – Объединение! Мы ещё долго бродили по музею, а потом оделись и поехали

домой.— Ну что ребята, — спросила Лариса Ивановна. — Какой художник вам больше всего понравился?— Нам художник Иван Шишкин понравился, — сказали мы хором.— Да? А почему? — удивилась учительница.— Потому что у него самые вкусные картины на свете? — ответили мы.